

С.А. КОЗЛОВА

СМЕНА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В ПОЛИТОЛОГИИ

Анализируется проблема развития политической науки как научной дисциплины, прослеживается генезис политологического знания со времен его зарождения в античности до современных концепций.

The article "Political Science: Methodological Paradigms changing" is about the new tendencies in the modern Political Science. The author has analysed the genesis of the Political thought since Antique times through nowadays.

Интерес к исследованию политики зародился в античном средиземноморье, нашел свое развитие в эпохи средневекового католицизма, Ренессанса, Реформации, Просвещения. Политические исследования были вплетены в общефилософские концепции. Мыслители прошлого, изучавшие политические проблемы, основное внимание уделяли философским и моральным проблемам, служению церкви или монашескому ордену¹. Первый, классический этап в истории становления политической науки (ее предистория) связан с дедуктивным, логико-философским и морально-аксиологическим подходами. Специфика данного этапа состоит в том, что сама подсистема политического не была выделена в качестве самостоятельной сферы социума. По мере выделения политики в самостоятельную подсистему можно говорить о втором – институциональном периоде становления политологии.

Институциональный период (XIX – начало XX в.) характеризуется использованием историко-сравнительного и нормативно-институционального методов изучения политических феноменов. Развивающаяся политическая наука тяготела к юриспруденции и истории. Образование кафедры истории и политической науки в Колумбийском колледже в 1857 г. и образование Американской ассоциации политической науки 1903 г. знаменовало собой признание самостоятельности политологии как отдельной отрасли социального знания.

Специфической чертой политологии как научной дисциплины в США изначально стал ее практический характер. Политологи видели свою цель в том, чтобы обеспечить политическое или гражданское образование, реформы в социальном управлении. В Европе же политические исследования велись в теоретическом плане и дали мощный импульс развитию политической науки в лице веберовской парадигмы политики.

М. Вебер исследует главным образом процесс рационализации и организационной динамики в различных типах обществ. Вебер использует понятие рациональности во многих значениях, в основном он понимает под ней расчет, интеллектуализацию и логику целенаправленных действий. Инструментальный подход к действию ориентируется на эффективный выбор средств ради достижения поставленной цели.

М. Вебер выделяет процесс рационализации как характерную черту Западной цивилизации, ее экономической и культурной жизни, развивающегося капитализма. Рационализация политической жизни проявляется в изменении организационных структур и институтов управления, а именно в процессе становления бюрократии. Исторический процесс бюрократизации рассматривается М. Вебером в рамках более широкого обсуждения политических институтов классического примера рационализации.

Бюрократия увязывалась М. Вебером с типом господства, основанном не на традиционном почитании вождя или монарха, а на строгих и рациональных легальных правилах и законах. Любопытен веберовский прогноз на будущее. Он считал, что неотвратимой перспективой является бюрократизация общественной и государственной жизни в целях рационального управления.

В дальнейшем труды М. Вебера были использованы Т. Парсонсом при разработке метода структурного функционализма. А как известно, благодаря работам Т. Парсонса в середине XX в. в американской политической науке возрождается интерес к теоретическим исследованиям после длительного периода господства эмпирических исследований.

Эмпирическая ориентация политических исследований отчетливо проявилась в трудах таких американских ученых, как А. Бентли, Ч. Бирд, В. Вильсон, Л. Лоуэлл. Стремление построить политическую теорию на базе эмпирических наблюдений в значительной степени было обусловлено необходимостью решения насущных социальных проблем, с которыми США столкнулись в начале XX в., и особенно после Первой мировой войны. В США обострились отношения между работодателями и лицами наемного труда, встала проблема социальной и культурной адаптации многочисленных национальных сообществ в условиях огромного притока иммигрантов.

Чарльз Мерриам, глава Чикагской школы политической науки, разработал новую методологию политического исследования, заложил основы бихевиорального подхода. Ч. Мерриам полагал, что для познания процессов политического и социального управления необходимо отыскать новую организацию политического исследования. Он подверг критике историко-сравнительный способ понимания политической теории. В 1923 г. Комитет по политическим исследованиям Американской ассоциации политических наук под руководством Ч. Мерриاما определил социальную методологию как "современную теорию политического мышления". В политическом исследовании необходимо опираться на методы экономики, статистики, истории, антропологии, географии, психологии как на базис для наблюдения и предотвращения "априорных спекуляций"². На Национальной конференции по политической науке в 1924 г. представителями Чикагской школы подчеркивалась настоятельная необходимость развития научной техники и методологии для политической науки.

Исследователи, работавшие в рамках бихевиорального подхода, сводили эмпиризм к коллекционированию фактов. "Чистая наука" (теоретический уровень исследования) была противопоставлена ими "традиционной теории" (прикладной науке)³. Основными принципами бихевиорального подхода стали принципы верификации, операционализма, элиминации ценностного подхода, а также ориентация на изучение наблюдаемого поведения и выделение власти как базового типа политических отношений. Структура властных отношений выводилась из природы человека, доступной исследованию научными методами. Доминирующей чертой человеческой психики и сознания у бихевиористов выступает стремление к личной власти, понимаемой как возможность оказывать влияние на кого-либо. Оно проявляется во всех без исключения формах жизнедеятельности человека.

Такие видные теоретики, как Д. Трумэн, П. Лазарсфельд, Д. Истон, А. Кемпбел, Р. Даль, – это “второе поколение” исследователей-бихевиористов, которое появилось в 60-х гг. XX в. Наиболее яркие работы, проведенные в рамках бихевиорального подхода: С. Липсет “Человек политический”, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон “The People's Choice”, А. Кемпбел, Дж. Гурин, У. Миллер, Д. Стокс “Американский избиратель” (“American Voter”).

В изучении электорального поведения можно выделить социологический и социально-психологический подходы. Основы социологического подхода заложены исследованиями группы американских ученых под руководством П. Лазарсфельда. Было показано, что при голосовании выбор избирателей определяется не столько осознанными политическими предпочтениями, сколько принадлежностью к большим социальным группам. Каждая подобная группа обеспечивает той или иной партии стабильную базу электоральной поддержки. Сам акт голосования является проявлением солидарности индивида с группой.

Социологическую концепцию электорального поведения развивали С. Липсет и С. Роккан, которые считали, что различия между социальными группами обеспечивают потенциальную основу политических конфликтов, создавая само проблемное пространство политики и социальную базу партий.

Социально-психологический подход рассматривает электоральное поведение как *экспрессивное*. При рассмотрении объекта поддержки на первое место выдвигается не социальная группа, а партия. Партийная идентификация формируется уже на ранних этапах социализации и играет роль фильтра, через который пропускается информация о различных аспектах избирательного процесса.

Бихевиоральная революция в политической науке США внешне выглядела как поиск гипотез, точных методов анализа, единиц измерения, т. е. как чисто техническое развитие дисциплины в сторону превращения ее в точную науку. Скрытый смысл “бихевиоральной революции”, произошедшей после 1945 г., состоял в поиске понимания причин и характера политической деятельности людей с помощью эмпирических средств.

В конце 1960-х гг. бихевиоралистов обвинили в консерватизме, усматривая в их подходе нацеленность на описание общества, а не на его изменение. В тот период шла война во Вьетнаме, в США развернулось движение за гражданские права, но в политологической литературе эти события не находили отражения. Политическая наука, как писал Д. Истон, оказалась “вне политики”. Обнаружилась не только сила, но и слабость обращения к микротeorии и методам, разработанным лишь на основе эмпирического исследования. Как результат – возникло постбихевиоральное движение. В 1969 г. Д. Истон на конференции Американской ассоциации политических наук объявил, что “бихевиоральная революция” завершена. Было признано, что изучение и конструктивная разработка ценностей и теоретического уровня познания – неотъемлемая часть изучения политики.

Таким образом, после бихевиорального подхода в политологии вновь возрождается интерес к теоретическому уровню знания и, как следствие, складываются системный и структурно-функциональный анализы. Данные подходы являются производными от общей теории систем. В общественных науках теория систем впервые была применена в социологии Т. Парсонсом (концепция социальной системы), а в политологии – Д. Истоном, который ввел понятие “политическая система”.

Заслугой Д. Истона является расширение предметного поля изучения политики и отношение зависимости центров принятия решений от гражданского общества. Его системная модель политической сферы обогатила категориальный аппарат политологии. Научный подход Д. Истона дает возможность анализировать политику в динамике, следуя принципу самообу-

чения и самоорганизации. Понятие “политическая система” – теоретический конструкт, позволяющий выстроить всю систему категорий политического анализа.

Главой структурного функционализма в политической науке является Г. Алмонд (другие представители – Д. Аптер, М. Леви, Р. Пауэлл). Г. Алмонд разработал концепцию структурного функционального анализа применительно к сравнительным исследованиям политических систем. Он выделил три уровня анализа политической системы, рассматривая ее во взаимосвязи со средой, в ее внутреннем функционировании, сохранении и адаптации. Политическая система – это совокупность взаимосвязанных ролей и их взаимодействий между собой. Политическая система имеет специфические функции на входе и на выходе. Структурный функционализм как теоретический подход позволяет объяснить многие политические явления и служит основой для сравнений политических систем.

Существенное влияние на развитие современной политологии оказала также теория рационального и публичного (или общественного) выбора, которая корнями уходит в экономическую науку. Импульс развитию экономического анализа политики был дан работой нобелевского лауреата по экономике К. Эрроу “Социальный выбор и индивидуальные ценности” 1951 г., работами Г. Таллока, представляющего Вирджинскую школу общественного выбора, а также работой Э. Даунса “Экономическая теория демократии” 1957 г. Это направление развивалось также представителями Чикагской школы – М. Олсоном и Дж. Стиглером.

Теория рационального выбора отвергает эклектизм, предлагая вместо него иерархическую модель политической науки, стремящейся создать строгий набор формальных математических теорий, которые объясняли бы общественные явления во всей их совокупности, включая политику. Некоторые исследователи считают, что теория рационального выбора представляет собой лишь боковое ответвление экономической науки, смежное с политологией. Действительно, именно экономисты К. Эрроу, Э. Даунс, Д. Блэк, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок и М. Олсон первыми применили экономические модели и методы при анализе таких политических проблем, как выборы, голосование в комитетах Конгресса, анализ групп интересов и т. п.⁴ Позднее специалисты в области политической науки стали широко использовать в своих работах экономические понятия (например, П. Херринг, В.О. Ки-младший и Э. Шатшнайдер).

Основные положения теории рационального выбора сводятся к тому, что человек от природы рационален, озабочен прежде всего текущими проблемами и стремится к увеличению собственных материальных выгод. Эти принципы проявляются в любой сфере человеческой деятельности – от решений о том, какие делать покупки, заключать брак, сколько иметь детей до вопросов о том, за кого голосовать, как вести переговоры, создавать коалиции между политическими партиями, строить межгосударственные отношения, формировать международные союзы и т. п. Подход с точки зрения рационального выбора экономичен, логически последователен, опирается на математическую обработку данных, при проверке выдвинутых гипотез предпочтение отдается экспериментальным методам.

В работе Э. Даунса “Экономическая теория демократии” заложены основы рационально-инструментального подхода к изучению электорального поведения. Главный принцип – гражданин голосует за ту политическую силу, которая предоставит ему больше выгод, чем любая другая. В модели рационального поведения избирателя выделяются две оси: “эгоцентричное – социально ориентированное” голосование и “ретроспективное – ориентированное на перспективу”. При эгоцентричном голосовании выбор основан на оценке собственного экономического положения, при социально ориен-

тированном – на оценку экономического положения всей страны. Ретроспективное голосование означает доверие, признание результатов деятельности предыдущей администрации; перспективное – ожидание перемен, более успешной работы формируемого органа власти⁵.

За последние десятилетия XX ст. политическая наука пережила несколько методологических революций – поведенческую (бихевиоралистскую), системную и рационального выбора. Но, судя по всему, надвигается очередная революция, которую связывают с “новым институционализмом”.

Понятие “неоинституционализм” было введено в оборот в 1984 г. в статье с одноименным названием, написанной Дж. Марчем и И. Ольсенем. Прежний (традиционный) институционализм, характерный для XIX – начала XX в., был ориентирован на изучение государства и формально-правовое описание функционирования его институтов. В рамках поведенческого подхода институты рассматривались как совокупность мест (ролей), которые заполняются участвующими в политике индивидами. Представители неоинституционализма не противопоставляют поведенческие постулаты организационным схемам, полагая, что политическое поведение необходимо анализировать в условиях и возможностях существующих институтов.

Представители неоинституционализма рассматривают институты как “зависимые переменные величины”. Исследования, проводимые с позиций неоинституционализма, сосредоточиваются на структурах и организациях, понимаемых не как формальные институты, а как практики, возникающие в ходе реальной деятельности.

Неоинституционализм – пример “возвращенного государствоведения”, государственной и муниципальной политики, проблематики политических институтов. Неоинституционалисты концентрируют внимание на результатах законодательной (или исполнительной) деятельности, воплотившихся в конкретных социальных программах или политических решениях. В рамках неоинституционализма не происходит отрицания всего предшествующего, а наблюдается сближение и интеграция разных школ и направлений – от бихевиорализма и теории рационального выбора до структурализма и институционализма.

В последние два десятилетия XX в. политология пытается встать на путь объединения различных методологических подходов, при этом сталкиваясь не только со старыми проблемами, но и с новыми вызовами. В первую очередь речь идет об активной деятельности ученых феминистского и постмодернистского направлений.

Многие важные понятия политической науки (власть, властные полномочия, политические обязательства, гражданство, частная жизнь, справедливость, демократия) феминизм подвергает серьезному переосмыслению. Политизируя социальное начало, сторонники феминистской политической теории настаивают на рассмотрении семейных, гендерных отношений и сексуальности как проблем политических. По мнению феминисток, западная интеллектуальная традиция сложилась исключительно с учетом “маскулинного” (мужского) опыта. Научные исследования являлись сферой господства мужчин и отличались типичным мужским подходом к любым социальным и политическим проблемам. Поэтому необходимо реинтерпретировать и реструктурировать всю социальную науку под углом зрения феминистской перспективы. В политической науке на передний план тогда выдвигается тщательное рассмотрение соотношения экономического развития и социально-политической справедливости, анализ семейного права как неотъемлемой части гражданских прав и т. п.

Серьезную озабоченность в сообществе профессиональных политологов вызывают попытки постмодернистской интерпретации политической теории. Постмодернизм родился в 60–70-е гг. XX в. и с тех пор стал неотъ-

емлемой частью западной социальной и гуманитарной мысли. Современные науки – продукт индустриальной эпохи, эпохи модерна. Они изучают массовое общество с дифференцированной социальной системой и четко выраженной доминантой экономики. Но современное общество уже существенно изменилось: культура стала мозаичной, расширилась сфера коммуникаций, в экономике развилась сфера обслуживания и та область, которая называется “культурная экономика” (образование, наука, реклама, туризм); трансформировались моральные, религиозные и семейные нормы; материальные ценности уступают место постматериальным⁶.

Если феминистское направление предлагает реинтерпретировать всю социальную науку, то постмодернисты (Ж. Деррида, Р. Рорти, П. Розенау) ставят под сомнение сами основы социальной науки, отрицая наличие любых форм и критериев “правильности” и “истинности” при получении знания. Любая концепция истины – относительна, идея прогресса – эфемерна, рационалистическая традиция, опирающаяся на безусловную ценность разума, – ошибочна, ни одна из научных методологий не может обеспечить объективной истины, таким образом, ряд специалистов по истории политической науки фактически переходят на позиции деконструктивизма.

Любой “текст” не имеет определенного раз и навсегда значения; “текст” – это неотъемлемая часть того мира, в котором он был написан, поэтому для “читателя” в последующие времена он может иметь неопределенное множество значений – в этом (очень приблизительная) суть “деконструкции” Ж. Деррида.

Поощряя ничем не ограниченные дискуссии и теоретические исследования, постмодернизм делает возможным максимально широкое участие в обсуждении политических проблем. Постмодернизм особое внимание уделяет “маломасштабным, местным” сообществам. Сфера политической науки становится благодаря этому более открытой для различных точек зрения, что может способствовать новому видению политических проблем и привлекать внимание к ранее не принимавшимся в расчет группам населения и их политическим позициям.

Как показывает непрерывная дискуссия о методе политической науки, составившая значительную часть ее истории, в политической науке проявляется стремление самоопределиться, уяснить свое отношение, с одной стороны, к политической философии, а с другой – к укрепляющей позиции эмпирической политической социологии. Это определенное свидетельство понимания того, что специфика политической науки проявляется не только в особенностях метода, но и в определении предмета исследований.

В настоящее время как в Европе, так и в США говорится о широком и узком понимании предмета политической науки. Концепции, основанные на изучении политических институтов и политической власти, относятся к узкому пониманию политики. Широкое понимание сфокусировано на политических функциях и трактовке политики как процесса или типа деятельности. Поэтому большинство политологов приходят к убеждению о возможности если не синтеза, то сосуществования бихевиорализма и функционализма, психологических и институциональных концепций. 90-е гг. XX в. можно рассматривать как время синтеза, взаимовлияния американской и европейской традиций политического анализа. Закладываются основы интеграции политической науки. Проявляется это прежде всего в осознании возрастающего значения гуманистического профилирования “чистой” политической науки как интегрированного политического знания.

Обобщая все, сказанное выше, можно отметить тенденцию к синтезу исследовательских методик и техник, способствующую снятию антагонизма интересов и ценностей, акторов и институтов, поведенческих и организационных схем, идеализма и материализма. При этом идет как бы разделение

сфер применения методов: одни из них больше применимы к объяснению локальных ситуаций, другие – к концептуальному изучению политики. Одни исследователи используют по преимуществу константные величины, другие – переменные. Но в целом большинство современных ученых уже не ведут споров о том, что первично – рациональность или иррациональность, и не мыслят по принципу “или – или”. Меняется сама атмосфера, дух научных исследований.

¹ Геннел Дж. Политическая теория: эволюция отрасли // Вестник МГУ. Сер. 12. 1993. № 1. С. 66–83.

² Parsons T. The Social Systems. New York, 1952.

³ Политический процесс: Основные аспекты и способы анализа. М., 2001.

⁴ Сорвина Г. Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории. М., 2000.

⁵ Политический процесс... С. 178.

⁶ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 20–34.

Поступила в редакцию 06.11.2002.

Светлана Анатольевна Козлова – преподаватель кафедры политологии.